

В качестве ПРОЛОГА

Меня зовут Олег, а вот фамилия моя Ринге – это немецкая фамилия. Я немец по отцу, но никогда в Германии не был, даже в качестве туриста. Произошло это, потому что я родился в России и мой отец Теодор Христианович родился в России и мой дед Христиан Готлибович жил здесь в России. Немцы живут и работают на благо России со времен Екатерины второй с 25 октября 1762 года, когда вышел манифест "О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованным им правах". Вообще немецкий народ – это целый пласт истории Государства Российского:

Барклай-де-Толли— российский полководец, герой Отечественной войны 1812 года;

Беллинсгаузен и Крузенштерн — знаменитые российские мореплаватели;

Брюллов, Карл Павлович — живописец;

Романова, Александра Фёдоровна — принцесса Шарлотта Прусская, российская императрица, супруга императора Николая I;

Фет — русский поэт-лирик;

Фонвизин — писатель-комедиограф XVIII в;

Известные русские немцы: XX век — наши дни:

Алексий II (Алексей Михайлович Ридигер) — Патриарх Московский и Всея Руси;

Брумель — Олимпийский чемпион, по прыжкам в высоту;

Зорге, Рихард — журналист, разведчик времён Второй мировой войны, Герой Советского Союза;

Альфред Шнитке — композитор;

Мейерхольд Всеволод Эмильевич — театральный режиссёр-новатор и актёр;

Татьяна Пельцер — Народная артистка СССР;

Алиса Фрейндлих — народная артистка СССР;

Существовал, целый, Автономный немецкий округ со своей столицей, ныне это город Энгельс Саратовской области.

В те сложные годы о которых пойдет речь в спектакле, нелегко было жить, безусловно, многим и очень многим народностям, да и просто обычным

Советским людям. Нам хотелось бы рассказать о том времени повествуя о депортации Поволжских немцев.

У каждого из вас есть в руках вот такой сухарик из ржаного хлеба. Его изготовили специально для нашего спектакля. Не спешите разворачивать и хрустеть им. У меня есть такой же сухарик, но в некой другой форме. Все вы видели вот такие сувениры: ржаной сухарик в рамке за стеклом и надпись «НА ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ». Сейчас в наше время мы позволяем себе шутить над этим маленьким, на первый взгляд, невзрачным кусочком, потому что можем пойти в магазин и купить сколько угодно буханок ароматного, свежесвыпеченного ржаного или пшеничного хлеба. Что вы сделаете с этим сухариком после спектакля я не знаю, кто-то может быть съест, кто-то подарит, а кто-то может быть оставит на память, но мне хотелось бы, чтобы вы запомнили отношение к этому сушеному кусочку хлеба сейчас, потому что после спектакля отношение к нему у вас изменится! В добрый путь!

Мы не пыль на ветру или меня звали Берта!

Историческая справка

22 июня 1941 года. Великая Отечественная Война. Гитлер напал на Советский Союз. Фашисты вступили в войну со страной, в которой среди прочих народов проживают и свои, советские, немцы. Понятно, что ситуация сложилась далеко не в пользу последних.

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

УКАЗ

О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены избыточные пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

*Москва, Кремль
28 августа 1941 г.*

На рассвете и небо от холода стынет,
Леденеет мерцанье застуженных звезд.
И стоят, занесенные в снежной пустыне,
Неживые тела посиневших берез...

Мужчина: В образцово-тюремный лагерь со всеми требованиями, оговоренными Уставом караульно-конвойной службы, заперли многие тысячи советских немцев, у которых «родная» власть безо всякого суда и следствия отобрала не только свободу, доброе имя и честь, но у многих, очень многих – и саму жизнь. Повод – война, а причина одна-единственная: национальность – немец.

Дневальный: Отбой!

Берта (в лагере): Наступает, наконец, момент долгожданного покоя. Надо только постараться скорее уснуть, чтобы хоть на 8 часов избавиться от чувства голода. Понять это противное каждому живому существу состояние может, наверное, лишь тот, кому хоть раз пришлось голодным отправиться на ночлег. Ну, а если с тобой это происходит еженощно, месяцы, год подряд? Если криком кричит нутро человеческое: «Хочу есть! Хоть что-то поесть!»?.. Черт возьми, я, кажется, снова думаю о еде! А о ней думать нельзя: начинается резь в животе, и слюни переполняют рот. Лучше буду вспоминать о прошлом...

...переход в воспоминания...

Берта: Меня звали Берта. Я родилась в деревне с очень красивым названием – Блюменфельд, или цветочное поле. Вокруг – поля, где сажают зерновые, овощи, а те поля, что оставлены под покос – цветут разноцветьем красоты необыкновенной. Каждый цветочек со своим запахом, цветом, формой. Природа воплотила в них свою нежность и легкость. **(Народный немецкий танец)**

Жаркий летний день. Я сижу на берегу волги, смотрю на плещущие волны, мне хорошо здесь. На противоположном берегу реки песок и, кажется, больше солнца. До боли здесь всё родное и любимое. Дует тёплый ветерок, по синему небу плывут облака, белые, большие и лёгкие. Как хороша и красива родная природа. Смотришь на волгу – её красота завораживает. Не хочется даже говорить, боясь нарушить тишину и гармонию природы. Только мысли не нарушают покой и потому так замечательно уединение здесь. Село у нас большое, свыше двухсот дворов, среди которых и наш дом. Строил его папа вместе с моим старшим братом.

Яков: Наш дом выделялся среди остальных. Он деревянный, с высокими потолками, пять комнат и кухня. Наша семья насчитывает пять человек: жена Христинья, старший сын Артур, и дочурки: Берта и Эмилия. Я, Яков Оттович Гитт родился в Блюменфельд в 1883 году. И ничто не предвещало беды, если бы не наступил 1937 год.

Берта: В 1937 году в немецких селах проходили повальные аресты. В деревне Блюменфельд одного за другим увезли более ста мужчин немецкой национальности. Забирали тихо. Огня зажигать было нельзя, мужья собирались в темноте. Детей не будили, чтобы шума не было. Наутро во многих домах только плачущие дети, да овдовевшие за одну ночь женщины. Я навсегда запомнила эту ночь, когда люди в военной форме перевернули все вверх дном в нашем доме. Конфисковывалось все, что представляло какую-то ценность. Забрали даже любимую куклу Эмилии.

Яков: Я был спокоен, больше того, конечно же, был уверен, что произошла ошибка. Уходя, я обнял жену и 2-х дочерей, сказав: «Я скоро вернусь, берегите друг друга.»

Берта: Больше мы его не видели. В эту ночь забрали и Артура, моего старшего брата...

Яков (в тюрьме): Арестованным из деревни Блюменфельд следователи «стряпали» дела по статье 58\б, то есть «шпионаж». В то время по всему Союзу работала страшная машина, имя которой – ГУЛАГ, бездна, куда сталкивалось огромное кол-во людей. Там, за колючей проволокой, от холода, голода и болезней погибали миллионы таких же, как я, советских граждан. Однажды выводят нас всех из камер во двор, а там мужчины из соседней камеры, и среди них мой сын – Артур. Мы встретились глазами, и пошли навстречу друг другу. Обнялись, оба заплакали. Мы оба не знали, что ждет нас, наши семьи. Я был осужден военной коллегией Верховного Суда СССР 16 сентября 1937 года и приговорен к расстрелу по обвинению в том, что я являюсь участником контрреволюционной, террористической организации, якобы существовавшей в деревне Блюменфельд. В этот день был вынесен приговор еще тремстам заключенным, в том числе и моему сыну.

...фонограмма выстрелов...

Берта: Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

Историческая справка

Такие приговоры в тот период исполнялись немедленно, в том населенном пункте, где выносились, а места захоронения осужденных не фиксировались, в связи с чем, установить их по прошествии лет представлялось невозможным.

В эти годы ГУЛАГу стало не под силу кормить многомиллионную армию заключенных. Недаром в те трагические годы выносилось так много смертельных приговоров.

Берта: Но жизнь продолжается. Наша деревня Блюменфельд постепенно оправлялась от страшного удара – массового ареста семей односельчан. Когда мне исполнилось 18 лет, я обучилась работать на тракторе, комбайне. Я чувствовала себя взрослой и ответственной за семью, работала за трудовни в колхозе. На жизнь хватало, ведь и Эмилия в свои 15 лет работала на ферме. Мы радовались, что все у нас получается, и мы можем обеспечить себя и мать.

...рождественская музыка...

Берта: Приближалось Рождество. Ставить елочку и украшать ее впервые стали в Германии. Очень быстро этот обычай распространился по всему миру. Мы с сестрой тоже готовили дом к празднику.

Давид: В Рождественскую ночь по улицам немецких сел ходит мужчина в вывернутой мехом наружу шубе, подвязанный простыней, в порванной шапке. Он обвешан цепями и другими металлическими предметами, которыми специально гремит. Его лицо измазано сажей – это Пельцникель, по преданию отпугивающий злых духов. **(обряд отпугивания злых духов)**

Берта: Пришло время садится за праздничный стол. Я в новом платье из желтого шелка, подаренного правлением колхоза, Эмилия в сарафане и белой кофточке, а мама в любимом платье отца с белыми ромашками на синем фоне. Все трое красивые и взволнованные. Вдруг в дверь постучали, потом за дверью послышался грохот – это он! Я бросилась открывать дверь, вошел Пельцникель и в нем я узнала Давида – деревенского парня, высокого, красивого. Он работает в колхозе и может управлять любой техникой. Это он обучил меня работе на тракторе и комбайне. Мы с ним большие друзья, пожалуй, наши отношения становятся все более нежными, возможно это любовь. «Проходи, отведай наши угощения...»

Давид: С большим удовольствием! Я замерз, и проголодался... С моим появлением началось настоящее веселье. Я был веселым парнем, знал много шуток и интересных историй. Потом все вместе пошли на сельскую площадь, где собиралась молодежь, и гуляние продолжалось еще очень долго. **(танец Берты и Давида перекликающийся с танцем в лагере)**

Берта: Удивительная жизнь, когда настают тяжелые времена, люди забывают плохое, стараются держаться вместе. Видимо, энергия любви и добра защищает людей от невзгод, делает их души светлыми и красивыми.

...объявление войны. Голос Левитана...

Берта: Началась война... Издан указ от 28 августа о переселении немцев... По всей деревне стоят плач и суета. Переживали женщины – остается большое хозяйство. Богатая, плодородная земля, небо, сады, родные улочки? Случится ли увидеть все это еще когда-то? Сердце чуяло: нет, не придется! Сердце не ошиблось... Я и Эмилия быстренько начали собирать вещи в чемодан. С собой можно было взять только сменную одежду, постель и часть продуктов на дорогу. За этим строго следили приставленные к каждой семье военные. Особенно тяжело было прощаться с деревней, отъезжать от родного дома. Все женщины заголосили, когда машины, телеги тронулись с места. Плакали дети, старики. Бесконечный обоз из сотен подвод и машин двинулся в сторону Сибири. В машину рядом посадили нашу соседку Терезу со своей семьей. Она хорошо играла на гитаре и взяла ее с собой в дорогу. Карл, ее муж, говорит ей...

Карл: Перестань плакать, Тереза! Возьми гитару и играй! Замолчите, женщины! Не показывайте этим чертям свои слёзы! Не унижайтесь... Пусть никто не видит нашего горя!

Берта: Тереза заиграла и женщины сквозь слезы запели, чтобы боль заглушить. . Отъехали километра 2, а наша собака все еще бежала за машиной, но постепенно она стала отставать, и, окончательно обессилев, легла на дорогу и завыла. Было так тяжело на душе, будто частичку самой себя оставляешь на дороге. Видя все это, женщины заплакали еще сильнее, а вместе со слезами лилась и песня..

Земля моя!

Кто по тебе так безутешно

Тосковал?

Кто детство босоное так

Часто вспоминал?

Кто так любил, согретую

Теплом

Весенних солнечных лучей,

Омытую дождем?

Лишь тот, кто годы напролет

Был от тебя вдали,

Кто в сердце бережно сберег

Черты твои.

Кто помнит отчий дом на берегу

Реки,

И кто безжалостно в войну

Был с Родины гоним...

Мужчина: Интересна психология людей, находящихся у власти: обвиняют людей за национальность, за то, что они не сделали, но уже заведомо виноваты. А вдруг сделают? Возникает вопрос, а люди ли те, кто смеет обвинять целые народы. Что они сами из себя представляют?

Берта: На одной из станций деревенский мальчик Гера побежал в магазин, в надежде купить хлеб, или обменять на хлеб мамину шаль. Он ехал с матерью и 4-мя братьями, им совсем нечего было есть. Односельчане делились скудными запасами продуктов, но они у всех уже были на исходе. Мальчику 13 лет, и никто не сомневался, что он быстро вернется назад, ведь поезд стоял 30 минут, но поезд тронулся, а мальчика нет. Какое горе испытала его мать, братья, односельчане. Во время этого длинного пути пропадали и другие дети. Прибыли в Новосибирск. Там, как на невольничьем рынке, шла «покупка» работников и специалистов из числа мужчин, подростков и женщин. Было очень холодно, зимней одежды ни у кого не было. Когда уезжали, думали, что будет все так, как в приказе Сталина написано, но оказалось все ложью.

---Музыка---

Комиссар: Знаете, кто вы такие, откуда и для чего вас сюда привезли? Вот и работайте!!!

Берта: Вот В этих безапелляционных словах состоял весь «свод законов и прав» для немцев. Спасибо местным жителям, пожалели, согрели, накормили с дороги, баньку истопили. Не было тогда, в начале войны, такого зверского отношения к немцам. Мне очень пригодилась профессия комбайнера и тракториста, приобретенные на Родине. Работа была тяжелая, за трудодни давали продукты, которых хватало только, чтобы не умереть с голоду. В землянках, где мы жили, было сыро и холодно даже летом. Думать о том, что мы оставались еще и женщинами не приходилось. И не до того было, и не для кого... А выглядели мы просто ужасно, даже в зеркало глядеть не хотелось: тощие, бледные, с огрубевшими от постоянного холода и ветра лицами. Руки жилистые и тяжелые, как кувалды. И каждый день – по 12 часов работы. «Вот и все кино!» - так у нас говорили. К зиме 1942 года у нас из 700 женщин около 100 тронулись умом от голода. Многие умерли голодной смертью. Помню, одна женщина кричала: «Я хочу еще раз наестся досыта, а потом умереть!». К утру она была мертва... А издевались над нами как!.. Начальник лесного отдела приедет, бывало, на своем жеребце, видит: мы в рабочее время сидим у костра. Так он на лошади прямо на нас наезжает, бьет комчой, орет.

Начальник: Расселись! Работать надо! Фашистские сволочи! С голоду всех уморю!

Берта: -А то бывало и так. Идём мы с работы, неожиданно из леса выскакивают верхом на лошадях ребятишки-буряты, хлещут нас комчами по чему попало. Кричат: «Ура! Фашистов бьем! Смерть немцам!». . Мы возвращаемся к себе, плачем кровавыми слезами.

Егор: Невыход на работу карался невыдачей хлебного пайка и 2-х разовой в сутки жидкой похлебки - её здесь называли «заболтухой».. Это варево состояло из воды, заправленной мукой и 1-й чайной ложкой постного масла. Пополнить чем-либо дополнительно свой рацион не представлялось возможным.

Берта: Помню еще случай: возвращаюсь я как-то вечером в барак и вижу: стоит на коленях моя соседка Тереза, а перед ней – собака. Обе вцепились в выброшенную на свалке бедренную кость. В результате единоборства собака осталась без добычи. Тереза была счастлива. Она казалась помешанной. Голод превратил человека в животное. А было и такое: как-то поздним вечером раздался осторожный стук в окно. Это был один из надзирателей Николаев.

Егор: Одни дома?

Берта. Одни.

Егор-Не зажигайте лампу, я сейчас приду. Я принес почти полмешка пшеницы и добавил вполголоса: «Спрячьте подальше. Никому ни слова». И тут же ушел. Через какое-то время я снова принес зерно, и опять втайне.

Берта-Благодаря этой неожиданной помощи нам удалось пережить голодную зиму.

Медицинского обслуживания здесь не существовало, не было и медикаментов. Лечили кто как мог и знал. На время болезни ребенка, матери не освобождались от работы. Голод, болезни были постоянными спутниками ссыльных. Самые слабые всегда умирали. Оставшиеся в живых постоянно болели. Здесь шел процесс на естественное выживание.

Историческая справка

*Государственный Комитет Обороны
Постановление № ГКО-1123сс от 10 января 1942 г.
Москва, Кремль.*

1. Всех немцев мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, годных к физическому труду, выселенных в Новосибирскую и Омскую области, Красноярский и Алтайский края и Казахскую ССР, мобилизовать в количестве до 120 тысяч в рабочие колонны на все время войны.

2. Обязать НКВД СССР и НКПС СССР установить в рабочих колоннах и отрядах из мобилизованных немцев четкий распорядок и дисциплину, обеспечить высокую производительность труда и выполнение производственных норм.

3. Установить нормы продовольственного и промтоварного снабжения для мобилизованных немцев по нормам, установленным ГУЛАГ'у НКВД СССР.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И.
СТАЛИН**

ОН- Был ли у немцев шанс выжить в лагерях? Да, был. Но далеко не каждому судьба посылала такой шанс. Трудармейцы 1-го призыва, работавшие в каменоломнях, на лесоповале, строительстве железных дорог, выброшенные в 40-50 градусные морозы в лес, где не было еще барачных землянок и даже палаток, при отсутствии теплой одежды были обречены на смерть, вот у них шанса не было. Поволжские немцы-трудармейцы, выжившие в лагерях – это большая редкость.

(музыка)??

Берта- И вот настала весна, приход которой я ощущала каждой каплей своей крови.. Начала пробуждаться природа, побежали первые мутные ручьи. Невозможно было надыхаться теплым весенним воздухом. Ласковые лучи солнца давали нам, измученным и обездоленным, надежду. Надежду, что будущее у нас все-таки есть. В марте таял снег и бежали ручьи. В апреле проглянула из-под снега земля. Потом пришел май с черемухой и ландышами.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 7 октября 1942 г. Москва, Кремль

О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР

Государственный Комитет Оборона **ПОСТАНОВЛЯЕТ:**

1. Дополнительно мобилизовать в рабочие колонны на все время войны всех немцев мужчин в возрасте 15-16 лет и 51-55 лет включительно, годных физическому труду, как переселенцев из центральных областей СССР и Поволжья, так и проживающих в других областях, краях и республиках Советского Союза.
2. Одновременно провести мобилизацию в рабочие колонны на все время войны также женщин-немок в возрасте от 16 до 45 лет включительно.

(можно звук вокзала???)

БЕРТА: Неумолимо приближался день отъезда. Тяжким камнем давила на душу предстоящая разлука всех немецких женщин со своими детьми. Эти минуты расставания не возможно передать, сердце разрывалось при виде детских ручонков вцепившихся в матерей. Последние объятия и поцелуи, истерический плач и причитания. Расставались навсегда, ведь уходили женщины в полную неизвестность. До самого момента отправления поезда матери не могли оторваться от детей, а дети

от матерей.

ОН: После неоднократных настойчивых напоминаний, что пора отправляться в путь, женщин с трудом удавалось вырвать из судорожных детских объятий. Рёв стоял невероятный, будто на грандиозных похоронах. Никакие команды садиться в вагоны не помогали. Поезд уже тронулся, и плачущих женщин стали силой загонять в вагон.

Берта: Малыши с плачем и криком ринулись в след: « Мама! Мамочка! Не уезжай!! Вернись, мамочка!!» Дети бежали за поездом, протягивали ручонки и заливались слезами. Сопровождавшие эшелон сотрудники «органов» отталкивали их в снег, они поднимались и снова бежали. Женщины с трудом сдерживали рыдания, пытались хотя бы этим успокоить своих детей. Многие не выдерживали и теряли сознание. Одна из них, обезумев от слёз и горя, побежала с ребёнком на руках вдоль состава. Ей протягивали руки, пытались помочь забраться в вагон. Но она продолжала бежать и в какой-то миг, прижав к себе ребёнка, рванулась под вагон, к колёсам... Расставание с малюткой было для неё страшнее смерти.

Постепенно дети начали отстать от поезда, вскоре от них остались только маленькие тёмные силуэты. Этот печальный миг навсегда остался в моей памяти.

Бригада женщин, в которой работала я, вылавливали из воды лес. Все делали вручную. Вытаскивали из воды тяжелые бревна и вкатывали их на штабеля. Молодые девушки выполняли работу, которая не каждому мужчине была под силу. От постоянной грязи, слякоти, гнили руки и ноги, образовывались незаживающие язвы. Спасала Волга, где мы могли искупаться, постирать одежду. Вода уносила не только грязь человеческого тела, но и плохую энергию, боль, обиды, усталость, снова хотелось жить.

ОН: В 1944-м году в район нефтяных разработок стали поступать бывшие германские военные, которые во время войны оказались в плену. Иногда во время работы появлялась возможность короткого общения заключенных трудармейцев и пленных немцев.

Берта: Однажды один заговорил со мной по-немецки:

Немец: Fräulein, hilf wenn du kannst! Hans stirbt... Er muß viel essen, sonst bleibt er nicht am Leben... Hilf...

Берта: «Девушка, если можешь, помоги! Ганс умирает... Ему нужно больше есть, иначе не выживет... Помоги.» Утром я нарезала хлеб на несколько плоских кусков, завернула в тряпку и положила под гимнастёрку, в колонне я встала последней. Когда стала подходить к пленным немцам, я сделала вид, что оступилась. Охранник крикнул:

ОН: Быстрее в строй! Догоняй колонну!

Берта: Я успела достать хлеб и оставить его на земле. Этого никто не заметил, кроме немца, который вчера просил меня о помощи.

ОН: Голод – он ставит всех у одной черты, унижает человека, и перестает иметь значение национальность, происхождение. Ситуация, когда человек голодает и вынужден просить кусок хлеба, может случиться с каждым. Но далеко не каждый может помочь умирающему от голода. В такие моменты ярко раскрывается сущность человека.

Берта: В конце 44-го привезли очередную партию немцев – мужчин. Среди них оказался и мой Давид. Мы встречались тайком, опасаясь не только начальства, но и «своих», в тщетной надежде, что запретные отношения не дойдут до бдительных ушей надзирателя.

...танец...

Давид: Однажды вечером меня вызвали к сотруднику НКВД. Уполномоченного интересовали настроения среди трудармейцев. Кто о чем говорит, есть ли такие, кто желал бы победы немцев в войне. Я быстро понял куда клонит особист. «Вы на самом деле думаете, что среди нас есть такие? У советских немцев отняли все. Взамен наградили ненавистным клеймом пособника врага. Так есть ли еще народ более, чем советские немцы, жаждущий победы над фашизмом?» Энкаведешник ответил: «Ах ты ворюга немецкая!!! Советские немцы! Вы такие же фашисты, только отсиживаетесь здесь и хлеб народный жрете!». Я бросился на особиста, готовый задушить гадину.

Берта: . Прозвучало 3 выстрела. Уполномоченный НКВД в упор расстрелял Давида.

...грустная музыка...

Национальность как ярлык

И как позор была.

А тех, кто помнил свой язык –

Дорога в ад вела.

Бараки грязные и вши,

И непосильный труд,

И нет спасенья для души –

Врагами нас зовут...

Болезнь и смерть рядком стоят,

И холод, словно лед.

А кто-то этот сущий ад
Трудармией зовет.
Для многих жизнь оборвалась
В те страшные года.
Могилы их не отыскать
Теперь уж никогда...
...выход из воспоминаний...

Берта: Так у меня отняли последнее, что было в моей жизни – право на любовь!

...музыка. День Победы. Голос Левитана, объявляющего победу...

Берта: Город праздновал, но нас за ворота не пустили. От скуки собрались на крылечке нашего барака, стали петь разные песни, в том числе немецкие. Начальник лагеря услышал, прибежал пьяный, как свинья.

Начальник: Прекратить!!!

Берта: А что? Мы правильные песни поем, те, что в школе учили.

Начальник: Ты еще разговаривать будешь?! Молчать, фашистская сволочь! В карцер ее, немедленно в карцер!

Берта: Привели меня в карцер. Небольшая комнатуха, сыро, грязно. Ни сесть, ни лечь не на что. Так и простояла до ночи. Уже потом вахтер, пожилой дяденька, выпустил меня, чаем напоил и в барак отправил. А утром как ни в чем не бывало построение, развод и – марш на работу! Таким и был для нас день Победы.

Историческая справка

Трудармии просуществовали до конца 1946 года. В начале 1947 года были ликвидированы «зоны», трудармейцы смогли вызвать к себе семьи и перешли в категорию спецпоселенцев. Им великодушно разрешалось иметь семью.

...музыка...

Роман: Русские парни обращали внимание на немецких девушек.

Берта: На меня обратил внимание Роман. Он родом с Украины, осужден на 3 года лагерей, после побега из немецкого плена.

Роман: В конце 1947 года, когда закончился мой срок заключения, я предложил Берте выйти за меня замуж.

Берта: Я не испытывала пылких чувств к Роману. Да и вряд ли после стольких лет страданий и лишений была способна на них. Я хотела спастись, защитить себя, своих будущих детей от немецкого клейма. Я стала женой Романа, и начала представляться всем Верой. Постепенно все забыли, что мое настоящее имя – Берта.

Роман: Мы соорудили себе лачугу в поселке Зольное.

Берта: Хорошо было то, что рядом Волга. Кому доверяла все свои мысли – так этой ей, любимой. Сколько слез выплакано на ее берегу... Первые два наших ребенка умерли при рождении... Не заладилась семейная жизнь. Роман все больше стал пить, а выпив бить. Я не верила, что в мою жизнь придет когда-то радость, праздник. Спасала снова Волга. В ноябре 1949 года я родила сына – Юрия. Живой, красивый, самый милый и родной человек на всем белом свете. Как хочется жить, чтобы вырастить этого драгоценного ребенка. Роман любил своего сына, он был ему очень дорог.

Мне панически страшно было потерять малыша. После смерти первых мальчиков я была готова на все, лишь бы сын был жив и здоров. Сосед Андрей как-то сказал:

Егор: «В церковь тебе надо, Вера, ехать. Окрестить ребенка».

Берта: А где здесь ближайшая церковь?

Егор: Есть в Куйбышеве. Но туда можно добраться только в мае на пароходе. Но комендант разрешения не даст, на это можешь не рассчитывать. Еще ни одному из нас не было разрешено отлучиться из поселка.

Берта: Разрешения просить ни у кого не буду. Я просто поеду.

ОН: Но если это раскроется, то как? 20 лет тюрьмы, подумай, Вера.

Берта: Я поеду.

Рано утром Роман проводил меня с сыном на пристань. Это было очень удобно – людей на улице еще не было. На пристани был только 1 мужчина, который никуда не уезжал, просто стоял. Я узнала в нем Федора – немца, такого же спецпоселенца, как и мы. Этот не выдаст. (обряд крещения) Ребенка окрестили в церкви, малыш даже не заплакал. Радость переполняла меня. Роман встретил нас на берегу, сказал, что все было спокойно, никто их не спрашивал. Но не успели мы войти в дом, как послышался стук.

ОН: «Откройте, спецкомендатура!». Веру увели. Я стал собирать все нажитые нами деньги, чтобы выкупить её из ареста. Когда пришел забирать жену, она не могла поверить, что свободна. В том, что Веру сдал в комендатуру немец Федор, у нас не было сомнений. Этот человек еще много крови выпил из немцев. Видимо, ему доставляло удовольствие стучать на людей.

Берта: Шли годы, росли семьи спецпоселенцев. У нас с Романом летом 1951 года родилась дочь Нина. Дети росли болезненными, особенно дочь. За детьми не было времени присматривать, они часто сидели на холодном полу в мокрых штанишках... Какое тут могло быть здоровье?

Историческая справка

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года.

- 1. Снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД немцев и членов их семей, выселенных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны.*
- 2. Установить, что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены.*

Москва, Кремль.

ОН: В конце января 1956 года пролетела весть, что немцы освобождаются от спецпоселений. Ни газеты, ни радио об этом не сообщали. Только в марте 1956 мы узнали, что 13 декабря 1955 года вышел об этом указ правительства. Это очередное издевательство властей над немцами – указ по их душу, но они об это не должны знать...

Берта: Весной начали строить себе дом. Решили жить в лесу, подальше от людей. Меня никогда не покидал страх, что снова выйдет новый Указ и нас опять посадят в телячьи вагоны и увезут на муки и страдания. Этот страх не пройдет никогда.

Печать тоски на лицах отреченных,
В глазах надежды робкий огонек...
Мы улетаем, с нами наши жены
Да старики, кто в землю не полег.
Спасибо Вам за все, товарищ Сталин:
Вы подсказали нам, как надо жить.
Мы ждали сорок лет, мы ждать устали
Пока вернут – что нам принадлежит.
Язык теряем, веру и обычай,
И надо что-то делать поскорей...
Но ваш закон на нас колючкой бычит,
Как проволокой Ваших лагерей.

Мы помним все.
Не стерлось, не забыли,
Как ни за что загнали нас в тайгу.
Мы – сосны, а болезни нас валили
И дети умирали на снегу.
Прошли сквозь сито смерти
На две трети,
Рассеялись горстями на земле,
Но ждали, ждали, ждали полстолеться,
Что вспомнят вдруг о немцах
Там, в Кремле.

ОН: Все 15 лет существования спецпоселений (1941-1955гг) немецкое население СССР, распыленное на огромные территории страны было полностью лишено каких-либо возможностей поддерживать и сохранять свою национальную идентичность. Вокруг него была создана такая морально-психологическая атмосфера, что на работе, в общественных местах немцы вынуждены были говорить на русском языке, и только дома, в тесном семейном кругу они могли позволить себе объясняться по-немецки. При детях по-немецки старались вообще не говорить. Каждый для себя решил, что сполна заплатил, что его родной язык был тот же, что и у фашистов. Дети к этому не должны иметь отношения.

Берта: В школе начиная с пятого класса преподавали немецкий язык. Учительница вызвала Нину к доске ,та должна была прочитать текст. Возможно ,читала она без акцента ,всё-таки иногда слышала немецкую речь, либо по другой причине, учитель её спросил:

ОН: Нина ,ты немка?

Берта: Не немка я, не немка! – закричала дочка и со слезами выбежала из класса. Немецкие дети понимали ,что быть немцем – это что- то страшное, неприличное. А ведь это были уже шестидесятые годы.

ОН: За 15 лет прошедших с 28 августа 1941 по 13 декабря 1955 когда вышел указ президиума верховного совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» народ понес неисчислимыи людские и моральные потери. Только за эти годы он не досчитался почти полмиллиона человеческих жизней – мужчин, женщин, детей. Каждый третий от общего числа. Особенно много было загублено мужчин –

бывших и несостоявшихся мужей, глав семей. Немало их вдов и несостоявшихся жен первыми проторили дорогу к «добровольной», «социалистической» ассимиляции, вступив в межнациональные браки, спасительно забыв о своей национальности, в их души вселили равнодушие, пессимизм, а еще больше всеильный Великий Страх.

Берта: По соседству с нами жила немецкая семья: Йосиф и его жена Лиза. В конце 70-х годов он с женой предпринял попытку выехать на постоянное место жительства в Прибалтику, где жили его родственники. Официальные лица ему прямо заявили:

ОН: «Для немцев работы, прописки, права на покупку домов и обмен квартир нет и не будет».

Берта: Оказалось, что немцу легче выехать в Германию, чем в европейскую часть родного Отечества. В начале 90-х годов, когда начался массовый выезд немцев из страны в Германию, многие немцы посёлка Зольное тоже засобирались. В том числе и Йосиф с женой. Что их ждёт в Германии? Манна с неба никто не ожидал, но в то, что их ждёт достойная жизнь, что позвав их не выбросят умирать, не будут унижать и мучить, в этом были убеждены все отъезжающие. Люди, особенно старшее поколение, отправлялись в Германию с глубокой обидой на причинённое их роду беспричинное зло. За преднамеренное, методичное истребление их нации. За чудовищные обвинения. За долгие годы нечеловеческих страданий. За голодную смерть близких. Йосиф с женой покидали свой дом. Из глаз текли слёзы, душа плакала...

Они не успели сесть в автобус, как на автобусной остановке Йосиф упал замертво.

Такого не ожидал никто. Дети просили меня:

ОН: Мама, не уезжай, останься здесь. Слишком много лет, что бы тебе вновь быть первопроходцем. Если бы тебя там ждали родственники - это другое дело, но ехать первой из семьи.....Поздно, мама!

Берта: Пожалуй, вы правы. Поздно. Жаль, что поздно!

Минуло полстолетия... Как страшно,
Что смотрят до сих пор как на врага.
А время островов немецких наших
Нещадно размывает берега.
А мы еще надеемся на что-то,
В глухую стену бьемся головой,

Оставить жалко землю, дом, работу...

И так охота быть самим собой.

По сути дела, здесь и там чужие,

Но немцы мы, и нам не все равно!

Терпению научила нас Россия,

Но, черт возьми, кончается оно!..

Вся жизнь – борьба за выживание своей семьи, своих детей. Где она - правда жизни? Как правильно прожить ее, да и получилось ли это у кого-нибудь? Легко сказать: забудь обиду и боль, прости. Вряд ли кому удастся это сделать сразу, пока душа болит, но спустя годы понимаешь, что жить с этим нельзя, нужно «отпустить» боль и обиду, чтобы жить дальше, новыми ощущениями. Но как это сделать?..

(Музыка. Поклон)

Олег Ринге. Инсценировка по мотивам воспоминаний Поволжских немцев.

Спектакль по данному материалу был поставлен на кафедре Актёрское искусство «Волжского университета им. Татищева» Спектакль сыгран более десяти раз при поддержке «Возрождение», центр немецкой культуры, на безвозмездной основе.